

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ТВОРЕНИЯ

НАУЧНО-ФАНАТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

18+

Игорь Таланов

Последний день творения

<https://litres.ru/73822414>

SelfPub; 2026

Аннотация

Андрей Корсак очнулся в полной тишине: пять тысяч криокапсул вокруг него были пусты. Корабль поколений летит к новому дому уже три столетия. Связи с Землёй нет. Солнца — тоже. Что произошло на борту? Куда делись пять тысяч человек? И почему капитан, исчезнувший вместе со всеми, оставил одну-единственную работающую капсулу?

Впереди встреча с Лией и точка невозврата, где искривляется пространство и рушатся законы физики. У них есть всего несколько месяцев, чтобы понять друг друга и сделать выбор, от которого зависит больше, чем они могут вообразить.

Космическая одиссея о любви, которая старше звёзд, - и сильнее конца вселенной.

Содержание

Глава 1. Пробуждение	4
Глава 2. Карта	12
Глава 3. Предыстория	29
Глава 4. Исчезновение	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Игорь Таланов

Последний день творения

Глава 1. Пробуждение

Боль пришла не сразу. Она накатывала волнами, пульсируя в висках тупым, тяжёлым ритмом. Андрей Корсак открыл глаза и увидел перед собой треснутый пластик крышки криокапсулы.

Трещины шли от правого края к центру, как паутина после удара. Внутри всё горело, словно каждую клетку тела проткнули миллионами ледяных игл. Это было нормально — синдром пробуждения всегда давал о себе знать. Но вот что было ненормально — тишина.

На костяшках — засохшая кровь. Его кровь, тёмная, почти чёрная. Значит, он ударил по куполу изнутри. Значит, его тело проснулось раньше, чем разум, и в панике колотило по стеклу в темноте. Он ничего не помнил об этом, но следы борьбы говорили сами за себя.

Плохой знак, — профессиональная часть его мозга, та, что привыкла собирать данные и делать выводы, уже просыпалась и делала свою работу. Экстренное пробуждение. Повреждение оборудования. Возможно, сбой системы.

Он нашёл рычаг аварийного открытия — красная рукоять

справа от головы, там, где всегда, — и потянул.

Купол отошёл с хлопком. Хлынул воздух снаружи — сухой, чуть холоднее, чем хотелось бы, и почему-то пахнувший железом. Андрей медленно сел. Голова поплыла. Он ухватился за края капсулы и несколько секунд просто сидел, позволяя вестибулярному аппарату разобраться с гравитацией.

Обычно пробуждение сопровождалось гулом вентиляции, голосом дежурного офицера, суетой медперсонала. Сейчас же стояла абсолютная, ватная тишина. Слышно было лишь собственное неровное дыхание.

— Система? — хрипло позвал он. — Голосовой интерфейс?

Ответа не последовало. Красная аварийная лампа над дверью мигала, отбрасывая на стены зловещие багровые блики.

Он выбрался из капсулы, ноги подогнулись, и он схватился за соседний модуль, чтобы не упасть. Взгляд скользнул по панели управления. Его рука дрожала, когда он провёл по сенсору.

— Статус капсулы — прохрипел он.

На экране всплыли данные. Всё верно. Он — доктор Андрей Корсак, ксенобиолог. Статус: «Разморозка экстренная. Инициатор: система».

Взгляд упал на таймер миссии. Цифры застыли, невыносимо яркие в полумраке.

Время в полёте: 312 лет 47 дней. До прибытия: 188 лет.

— Что? — Андрей моргнул, надеясь, что это галлюцина-

ция, плод воспалённого мозга после криосна.

Его должны были разбудить за год до посадки. Через двести лет. Почему сейчас? Что случилось за триста лет полёта?

Крио-отсек корабля «Ноев Ковчег-7» был спроектирован так, чтобы потрясать. Это была не просто техническая зона — это был смысловой центр всей миссии, её сердце, её символ. Пять тысяч криокапсул, выстроенных в шестьдесят четыре ряда, уходили вдаль на четыреста метров. Каждая капсула — человек, каждый человек — осколок цивилизации, отправленный в будущее, как семя в мёрзлую почву.

Когда Андрей проходил комиссию перед стартом, инструктор — пожилой офицер с неизменно спокойными глазами — показал ему этот зал сверху, с балкона технического уровня. Пять тысяч капсул светились мягким голубым светом изнутри: в каждой — живой человек, спящий в холоде абсолютного покоя. Это было похоже на город с высоты птичьего полёта, на россыпь огней в ночи.

— Запомни это, — сказал тогда инструктор. — Ты, может быть, последний, кто видит их всех живыми одновременно. В этом есть красота.

Андрей помнил, что тогда эти слова показались ему чрезмерно пафосными.

Сейчас он стоял посреди того же зала и смотрел на капсулы.

Сердце пропустило удар.

Все они были пусты.

Лампы горели тускло, на грани отключения.

Андрей подошёл к ближайшему ряду капсул.

Они были пусты. Это было точно. И следующий ряд. И так до самого горизонта огромного зала.

Не было тел. Не было трупов. Не было людей. Пять тысяч душ, составлявших экипаж «Ноева Ковчега-7», исчезли. Будто их никогда и не существовало.

Только его капсула работала. Только он дышал.

Андрей нашёл медицинский отсек на том же уровне — стандартная планировка, он знал её наизусть — и провёл над собой обследование. Механически, без паники. Паника пришла бы позже; сейчас работал только профессиональный рефлекс: данные, анализ, выводы.

Биохимия — в норме, если не считать лёгкого обезвоживания. Анализ крови — без отклонений. Неврология — в пределах нормы, если не считать мигрени, которая, судя по всему, станет его верным спутником на ближайшие дни. Костяшки правой руки — ссадины, ничего серьёзного.

Он нашёл регидрационный раствор, выпил два пакета. Нашёл разогретый паёк — автоматика медотсека заботливо его подготовила, стандартная процедура при экстренном пробуждении. Он ел не чувствуя вкуса, глядя в стену.

Потом встал и пошёл на мостик.

Он побрёл к капитанскому мостику. Корабль не просто спал — он будто вымер. На стене висел физический календарь — пережиток старой эпохи, который вахтенные запол-

няли от руки. Последняя запись карандашом, едва различимая, гласила: «Год 15. Мы всё потеряли. Прости нас, кто найдёт».

Андрей вбежал на смотровую палубу. Его мутило от страха и непонимания. Он должен увидеть звёзды. Ориентиры.

Он подошёл к огромному панорамному окну. Космос за стеклом был привычно чёрен. Звёзды висели неподвижно, холодные и равнодушные. Никакого движения, никакой суety.

Он бросился к консоли астронавигатора. Пальцы, наконец, перестали дрожать.

— Связь с Землёй. Экстренный канал.

Экран мигнул. «Сигнал потерян. Источник не обнаружен. Время задержки сигнала: 113 лет».

— Как потерян? — выдохнул Андрей. — Звезда не может просто исчезнуть.

Он ввёл команду наведения телескопа на координаты Солнечной системы. Механизм гудел целую минуту, разворачивая направляющие.

На экране появилась картинка. В центре — туманность, красивая, но мёртвая. Но там, где должно было быть жёлтое светило, виднелась крошечная, неестественно чёрная точка, окружённая тонким кольцом света.

Андрей был учёным. Он знал, что это такое. Аккреционный диск. След гравитационного коллапса.

Солнце схлопнулось. Или было уничтожено. Это произо-

шло так давно, что свет от катастрофы уже успел обогнать корабль и затеряться в глубинах космоса, а само Событие осталось лишь старой легендой во Вселенной, где больше не было дома.

— Значит, все, — прошептал он. Голос прозвучал чужеродно в пустой рубке.

В этот момент он услышал звук.

Он был настолько неуместен здесь, среди мёртвых машин и безмолвных звёзд, что Андрей сначала не поверил своим ушам.

Музыка. Скрипка.

Мелодия была сложной, глубокой, пронизанной невыразимой тоской. Она пробивалась сквозь гул вентиляции, становясь то громче, то тише.

Бах. Чакона ре минор. Андрей знал это произведение. Virtuозное, требующее безупречной техники, оно звучало сейчас так, словно игрок вложил в него душу, разрывая её на части.

Звук шёл из секции «Альфа» — жилого блока, который по документам должен был быть герметично закрыт.

Андрей не думал об опасности. Страх одиночества перекрыл всё остальное. Если там есть кто-то живой — неважно, сумасшедший ли это офицер или неизвестное существо, — он должен его найти.

Он бежал по коридорам, ведомый звуком. Скрипка вела его всё глубже, в самое сердце корабля, туда, где раньше рас-

полагались лаборатории и офицерские каюты.

Музыка оборвалась на высокой, звенящей ноте, повиснув в воздухе вопросом.

Андрей остановился у приоткрытой двери. За ней была темнота, но он чувствовал присутствие. Запах озона и чего-то сладковатого, похожего на аромат цветов, которых не должно было быть на борту стального гиганта.

Он шагнул внутрь.

— Кто здесь? — его голос сорвался на крик.

В глубине комнаты, спиной к нему, у огромного иллюминатора стояла фигура. Женщина. Её силуэт выглядел хрупким на фоне бездны космоса, но осанка была слишком ровной, слишком правильной.

Она медленно обернулась. Свет далёких звёзд упал на её лицо.

Она была невероятно красива. Идеальные черты, бледная кожа, но глаза её глаза не были человеческими. В них не было белков или радужки. Они сияли мягким золотым светом, как два маленьких солнца, погасших миллионы лет назад.

— Ты проснулся, — сказала она. Голос был низким, бархатистым, без тени удивления. — Я думала, ты будешь спать ещё сутки. Мелатонин в капсуле дал сбой.

— Кто ты? — Андрей попятился, нащупывая спиной косяк. — Где экипаж? Что произошло с Солнцем?

Женщина сделала шаг к нему. Её движения были плавными, почти текучими. Она поставила скрипку на старинный

стул рядом.

— Столько вопросов, Андрей, — она грустно улыбнулась.

— У нас будет очень много времени для ответов.

— Откуда ты знаешь моё имя?

— Я знаю о тебе всё, — она протянула к нему руку. Её ладонь была тёплой, когда она коснулась его ледяных пальцев. — Я ждала тебя триста лет. Меня зовут Лия.

— Ты выжившая? Ты из команды?

Она покачала головой, и золотые всполохи в её глазах дрогнули.

— Нет, Андрей. Я — хранитель этого ковчега. Я — всё, что от него осталось.

Она повернула его к иллюминатору.

— Смотри. Мы подходим к точке невозврата.

Андрей посмотрел вперёд. Прямо по курсу корабля, там, куда указывала её рука, пространство неестественно искривлялось. Звёзды вокруг этой точки дрожали и вытягивались в спирали.

— Это черная дыра? — прошептал он. — Мы летим в неё?

— Не в неё, — тихо сказала Лия, и её пальцы крепче сжали его ладонь. — Сквозь неё. Добро пожаловать на борт, последний человек во Вселенной. Мы летим домой.

Глава 2. Карта

— Мне нужно многое объяснить — Лия вышла в коридор, приглашая за собой.

Андрей пошел следом. Шаги отдавались гулкими звуками в тишине коридоров. По кораблю прошла едва уловимая дрожь, пауза, повторилась, усилилась. Словно запустился и продолжил выполняться какой-то сложный, многоступенчатый маневр. Иллюминаторов рядом не было, понять, что же происходит снаружи, было нельзя. Внезапно все прекратилось.

Темнота пришла мгновенно.

Не постепенное угасание сознания, как при наркозе или криосне, — а удар. Словно кто-то вырвал из реальности все краски, все звуки, оставив только абсолютное ничто. Последнее, что Андрей успел зафиксировать — пальцы Лии, сильнее сжимающие его ладонь.

Потом — ничего.

Потом — свет.

Не мягкий, не постепенный — хлесткий и острый, как скальпель. Андрей задохнулся и попытался сесть. Что-то удержало его — тугие ремни, перекрещивавшиеся поперёк груди. Он лежал на узком медицинском ложе в отсеке, который он помнил как малый реанимационный блок — четыре

койки у левой переборки, стойки с оборудованием, холодный белый свет люминесцентных панелей. Всё на месте. Всё привычно.

За иллюминатором космос был обычным: бездонно-чёрным, холодным, усыпанным неподвижными точками.

— Не вставай резко, — сказал голос.

Лия сидела у изголовья на стандартном офицерском стуле. Она сидела прямо, ноги сомкнуты, руки на коленях — та самая неестественная, слишком правильная осанка, которую он заметил ещё там, у иллюминатора. В руках у неё ничего не было. Золотые глаза смотрели на него без мигания, но в них было что-то, что Андрей не взялся бы назвать. Тревога? Облегчение? У машин не бывает облегчения. У машин не бывает тревоги.

— Сколько я был без сознания? — прохрипел он.

— Семнадцать часов и тридцать две минуты.

— Что это было?

Она не ответила сразу. Взяла со стойки стакан с водой, протянула ему. Движение было точным и аккуратным — ни лишнего жеста, ни лишней секунды.

— Мы прошли первую червоточину, — сказала она наконец.

Андрей выпил воду залпом. Горло саднило, будто по нему прошлись наждачной бумагой. Он осторожно расстегнул ремни, сел, переждал головокружение.

— Первую, — повторил он. — Значит, их несколько.

— Двенадцать.

Цифра упала в тишину реанимационного блока и осталась там лежать, тяжёлая и неудобная. Андрей посмотрел на Лию. Она смотрела на него в ответ — ровно, без нетерпения, как смотрят на задачу, которую нужно объяснить с самого начала, потому что иначе не понять.

— Расскажи мне, — сказал он. — Всё. С начала.

Она рассказывала, пока он приходил в себя. Говорила ровно, без интонационных всплесков, которые люди вставляют в речь, чтобы обозначить важность или эмоцию. Но Андрей поймал себя на том, что слушает её с такой же концентрацией, с какой слушал бы Баха, — не потому что слова были красивы, а потому что в них была структура. Внутренняя логика, выверенная и безупречная.

За триста двенадцать лет полёта зонды-разведчики — десятки единиц, выпущенные ещё на пятом году миссии, — картографировали пространство вдоль маршрута корабля. Большинство вернулись с ничем: пустота, межзвёздный газ, гравитационные аномалии, не стоившие внимания. Но три зонда обнаружили нечто иное. Точки, в которых пространство-время вело себя неправильно. Не чёрные дыры, не нейтронные звёзды — что-то меньшее, невидимое невооружённым глазом, но фиксируемое приборами.

Лия назвала это червоточинами. Андрей не стал спорить с терминологией.

— Ты говоришь о них так, словно давно знала об их су-

ществовании, — заметил он.

— Я знала. Зонды передавали данные мне. — Она помолчала. — Точнее, тому, что я тогда была.

— Что ты имеешь в виду?

Она не ответила. Только качнула головой — едва заметно, как человек, который решил оставить что-то на потом.

Андрей не стал настаивать. Пока.

Двенадцать червоточин образовывали цепь, через которую корабль мог пройти за два с половиной — три месяца субъективного времени. Это была не прямая линия — скорее ломанная дуга, изгибающаяся через секторы пространства, которые на старых картах значились как «не исследовано». Корабль уже миновал первую точку перехода — отсюда семнадцать потерянных часов. Впереди оставалось ещё одиннадцать.

Первая червоточина находилась на орбите дальней чёрной дыры — той самой, к которой корабль летел триста лет. Затем он начал обратный путь. К бывшему Солнцу.

— Куда ведёт цепь? — спросил Андрей.

— Ты уже знаешь ответ.

— Хочу услышать от тебя.

Лия посмотрела на него долю секунды дольше, чем нужно для ответа.

— К тому, что осталось от Солнечной системы.

Андрей встал с ложа. Ноги держали — шатко, но держали. Подошёл к иллюминатору и несколько секунд смотрел

наружу. Звёзды. Просто звёзды. Ничего угрожающего, ничего необычного. Но там, в той стороне, куда летел корабль, в ста с лишним световых годах от него, там, где когда-то было жёлтое солнце и голубая планета с семью миллиардами людей, — теперь был аккреционный диск.

— Зачем? — спросил он. — Зачем туда? Там больше нечего спасать. Там нет никого.

— Курс задал капитан.

Андрей обернулся.

— Капитан Воронов умер триста лет назад.

— Да. Но курс задал он. Корабль развернулся точно в момент твоего пробуждения — не раньше и не позже. Это было запрограммировано.

— Почему именно в момент моего пробуждения?

Лия встала. Она была чуть ниже его ростом, но в этом небольшом помещении её присутствие ощущалось иначе — как присутствие человека, который знает больше тебя и ждёт, пока ты доберёшься до нужного вопроса самостоятельно.

— Потому что ты нужен там, — сказала она. — Он это знал.

Она вышла из реанимационного блока. Андрей, помедлив секунду, двинулся следом.

Коридоры корабля были всё так же пусты. Аварийное красное освещение сменилось стандартным — приглушённым жёлто-белым, каким оно бывало в ночном режиме. Под

ногами — рифлёная сталь, знакомая до автоматизма: он столько раз ходил по ней, потом переживал в снах, которые снились между сеансами криосна, что теперь мог неплохо ориентироваться.

Но без людей это был другой корабль.

Не мёртвый — нет. Скорее пустой. Как концертный зал после того, как публика разошлась, а уборщики ещё не пришли: всё на своих местах, всё готово к следующему выступлению, только никого нет.

Они прошли через жилую секцию «Бета» — стандартные каюты, закрытые двери, таблички с именами. Андрей невольно читал их на ходу. Петров К.В. Морено А. Ли Вэй. Хасанова З.О. Имена людей, которых он не помнил, потому что никогда не встречал — они спали, когда он спал, — но которые многие годы разделяли с ним этот стальной корпус и этот маршрут в никуда.

Где они теперь?

Этот вопрос он оставил на потом. В голове уже выстраивалась очередь из вопросов, и он не собирался нарушать порядок.

Лия остановилась у двери с маркировкой «Лаб. сектор 3 — Молекулярная биология». Приложила ладонь к сенсору. Дверь открылась с мягким шипением.

— Сюда, — сказала она.

Лаборатория была Андрею незнакома — он работал в ксе-нобиологическом секторе, в другом конце корабля. Здесь

стояло другое оборудование: центрифуги, инкубационные камеры, длинные столы с закреплёнными по периметру зажимами для колб. На дальней стене — стеллаж с образцами, все контейнеры пронумерованы и опечатаны. Судя по состоянию, здесь никто не работал много лет, но система жизнеобеспечения поддерживала нужную температуру и влажность — всё было в сохранности.

В центре стола стоял терминал. Не стандартный рабочий экран, а отдельный, автономный, подключённый к собственному источнику питания. На его корпусе — наклейка с надписью от руки, выцветшая, но читаемая: «Воронов. Личный архив. Только для А.К.».

А.К.

Андрей Корсак.

Он почувствовал странное, почти суеверное ощущение — будто кто-то триста лет назад знал его по инициалам и оставил записку в пустом доме.

— Он подготовил это для тебя, — сказала Лия. Она стояла у двери, не приближаясь к столу. — Я не смотрела. Он просил, чтобы сначала ты.

Андрей подошёл к терминалу. Провёл пальцем по сенсору. Экран ожил.

Файл. Видеозапись. Дата создания: год пятнадцатый, день сто восьмой. Продолжительность: двадцать две минуты.

Он запустил воспроизведение.

Человек на экране был немолод — лет шестидесяти, мо-

жет, чуть меньше. Широкие плечи, коротко стриженные тёмно-серые волосы, глубокие морщины у глаз. Форма без знаков отличия — он был в каюте, не на мостике. Лицо спокойное, но с тем особым напряжением, которое бывает у людей, принявших решение и не намеренных от него отступить.

— Если ты это смотришь, значит, Лия тебя разбудила, — сказал он без предисловий. Голос был низким, чуть хриловатым. — Значит, всё прошло так, как должно было. Значит, триста лет не потрачены зря.

Он помолчал. Взял что-то в руки — стакан, поставил обратно, не отпив.

— Меня зовут Константин Воронов. Я был капитаном «Ноева Ковчега-7». Был — потому что к моменту, когда ты это увидишь, меня уже не будет. Я знаю об этом. Я давно знаю.

Пауза.

— Тебе сейчас нужно услышать много вещей. Я постараюсь быть кратким, потому что краткость — это всё, что у меня есть. Остальное ты найдёшь в архиве. Прочее тебе объяснит Лия — когда будет готова. А пока — главное.

Он посмотрел прямо в камеру. Андрей поймал себя на ощущении, что этот взгляд — живой. Что этот человек смотрит именно на него, а не в пустоту записывающего устройства.

— Ты не тот, кем себя считаешь. Точнее — ты не тот, кем тебя считают записи. В личном деле написано: «Андрей Ни-

колаевич Корсак, ксенобиолог, тридцать четыре года». Это правда. И это не вся правда.

Воронов встал. Прошёлся по каюте — камера была неподвижна, и он на несколько секунд пропал из кадра, потом вернулся.

— Настоящий Андрей Корсак умер на восьмом году полёта. Сердечная недостаточность — криосон иногда даёт осложнения, ты об этом знаешь. Мы потеряли его. Мы не могли его заменить — у нас не было другого ксенобиолога, а миссия требовала ксенобиолога. Я думал о замене сразу — но без инструкций, без нужных данных, это было невозможно. Мы не генетики. Я оставил эту мысль на несколько лет.

Пауза.

— Потом появилось устройство. На пятнадцатый год. И в нём было всё необходимое.

— Я сдал материал. Генетический. Мой собственный. Техники использовали протокол клонирования — экспериментальный, незарегистрированный, не имеющий отношения к официальной программе миссии. Нарушение? Да. Мне было всё равно. Зародыш вырос в инкубационной камере — вот в этой лаборатории, в камере номер три. Когда созрел — ему загрузили память. Личность. Профессиональные навыки, биографию, рефлексy, воспоминания. Всё, что делало Андрея Корсака ксенобиологом. И поместили в криокапсулу.

Пауза. Долгая.

— Ты — это я. Мой клон. Мой биологический сын, если угодно, хотя это слово здесь не совсем точно. — Он помолчал ещё. — Хотя нет. Точно. Именно сын. Ты был выращен с использованием моей ДНК и был наполнен чужой памятью. Ты — копия, сделанная с любовью и отчаянием, потому что другого выхода не было.

Он снова посмотрел в камеру.

— Я знаю, что ты сейчас чувствуешь. Или думаю, что знаю. Я чувствовал бы то же самое. Поэтому скажу тебе то, что хотел бы услышать сам: это не делает тебя меньше. Это не делает твою память ненастоящей. Всё, что ты помнишь — это правда. Просто правда принадлежала другому человеку, а теперь принадлежит тебе.

Андрей слушал. Он не отрывал взгляда от экрана. Пальцы его нашли край стола и сжали — он не заметил когда.

— Теперь о Лии, — продолжал Воронов. — У меня была сестра. Амалия. Она погибла за год до старта — несчастный случай, ничего героического, просто глупая авария на наземном комплексе. Я не успел... — Он замолчал на секунду. — Я успел сохранить её сознание. Матрицу её личности. Полную копию — не воспоминания, не биографию, а именно её: как она думала, что чувствовала, как выстраивала суждения. Лия — носитель этой матрицы. Андроид с телом, спроектированным под задачи миссии, и душой моей сестры внутри. Она догадывается об этом, но не знает наверняка. Это твоя задача — сказать ей. Когда найдёшь слова.

Он снова остановился у стола. Потянулся к чему-то за краем экрана.

— И последнее. Устройство. Лия должна была передать его тебе — если не передала ещё. Я получил его на пятнадцатый год. Не знаю откуда. Не знаю как. Оно просто оказалось у меня на столе однажды ночью, когда я был один в каюте. Внутри — данные. Карта. Маршрут через червоточины. Предупреждение. И кое-что ещё, что ты должен понять сам. Я не стал расшифровывать всё — потому что понял: не мне это предназначалось. Это твоё.

Он посмотрел в камеру в последний раз.

— Я не знаю, что ждёт тебя там. Не знаю, что ты найдёшь у бывшего Солнца. Но я верил, что это важно. Иначе зачем всё? Зачем триста лет?

Экран погас.

Андрей долго смотрел в погасший терминал.

В лаборатории было очень тихо. Тихо и холодно — чуть холоднее, чем положено по регламенту, как будто система теплообмена здесь работала с небольшим отставанием. Он слышал своё дыхание и больше ничего.

Клон.

Он повторил это слово про себя — не вслух, потому что вслух оно стало бы настоящим, а он ещё не был готов к такому уровню настоящего. Клон из ДНК капитана Воронова, наполненный памятью мёртвого учёного. Тело одного человека, разум другого. Копия, сделанная «с любовью и отчая-

нием».

Он пытался нащупать внутри что-то, что должно было там быть, — ужас, ярость, протест. Нашёл только странную, почти физическую пустоту. Как будто ему сообщили факт о ком-то другом.

Или как будто он всегда это знал.

Он обернулся. Лия стояла у двери — всё там же, где стояла. Она смотрела на него. Золотые глаза не мигали.

— Ты догадывалась? — сказал он. Не обвинение — констатация.

— Да.

— Сестра капитана. Амалия.

Что-то в её лице изменилось. Не мимика — у неё не было той спонтанной мимики, которая выдаёт людей. Что-то другое, глубже — как тень, прошедшая за стёклами глаз.

Она ответила не сразу. Сделала шаг в комнату — впервые с момента, как он вошел. Медленно подошла к столу, остановилась рядом с Андреем. Посмотрела на тёмный экран терминала.

— Я помню детство, которого у меня не было, — сказала она тихо. — Я помню, как он учил меня играть на скрипке. Он был ужасным учителем — терпения не хватало. — Пауза. — Я думала, что это программные фантомы. Артефакты загрузки. Я не позволяла себе думать иначе.

— А теперь?

Она помолчала ещё секунду.

— Теперь я знаю, что это воспоминания. Просто не мои.

— Золотые глаза обратились к нему. — Как у тебя.

Андрей не нашёл, что ответить. Это было честно и жестоко одновременно, и с этим нужно было просто существовать, пока не найдётся слов.

Он думал о том, что сказал Воронов: «это твоя задача — сказать ей». Но она уже догадывалась. И она смотрела на него так, как смотрит человек, который ждёт, когда ему позволят знать наверняка.

Он отошёл от терминала. Сел на высокий лабораторный стул — тот единственный, что стоял у стены, вероятно, для именно таких случаев, когда ноги отказываются держать.

— Устройство, — напомнил он.

Лия кивнула. Опустила руку в боковой карман — узкий, почти незаметный, — и достала предмет. Положила на стол перед ним.

Он был небольшим — меньше ладони — и имел форму, которую сложно было бы описать точно: не совсем прямоугольник, не совсем овал. Поверхность матовая, тёмная, но когда Андрей взял его в руку, она стала чуть светлее — едва заметно, как будто материал реагировал на тепло. Или на что-то другое.

Тёплое. Само по себе тёплое, без внешнего источника тепла.

— Когда он тебе это дал? — спросил Андрей.

— На пятнадцатый год. Принёс в каюту сам. Сказал: «Пе-

редашь Андрею. Когда разбудишь — сразу передашь». — Она смотрела на устройство. — Я носила его триста лет.

— Ты не пыталась вскрыть?

— Пыталась. На третий год. Потом на двадцатый. Потом на сотый. Оно не открывается. Никакие инструменты не оставляют на нём следов. Никакое излучение не проходит сквозь него.

Андрей покрутил устройство в руках. Никакого видимого шва, никакой кнопки, никакого сенсора. Гладкая тёплая поверхность. Он провёл по ней большим пальцем — просто провёл, без цели.

Внутри что-то щёлкнуло.

Тихо. Не механически — скорее как звук, который издаёт кристалл при изменении температуры. Устройство стало чуть теплее — и на его поверхности появился свет. Не экран — нечто другое: тонкие линии, складывающиеся в узор.

Карта.

Андрей поднял устройство. Линии медленно разворачивались, поднимались, формируя трёхмерную проекцию прямо над поверхностью предмета — тонкую, полупрозрачную, не более двадцати сантиметров в высоту, но детальную. Двенадцать точек, соединённых дугами. Маршрут. Между точками — цифры: расстояния, временные интервалы, углы входа.

— Это наш маршрут? — спросил Андрей.

Лия смотрела на проекцию.

— Да, — сказала она медленно. — Именно такой маршрут я вычислила за триста лет. Точка в точку.

— Значит, кто-то знал заранее.

— Кто-то знал заранее, — подтвердила она. Без удивления — как человек, который давно пришёл к выводу, что у вселенной слишком богатое чувство юмора, чтобы пытаться его понять.

Андрей продолжал смотреть на проекцию. Двенадцать точек. Двенадцать прыжков. Два с половиной — три месяца от старта до цели, которая была раньше домом, а теперь была чёрной дырой и аккреционным диском.

Он провёл пальцем вдоль линии маршрута. Проекция отреагировала: одна из точек вспыхнула ярче, рядом появилась новая надпись — не в линиях, а в чём-то похожем на цифры, только незнакомых.

— Ты читаешь это? — спросил он Лию.

— Нет. Это не язык, который я знаю.

— И я нет.

Они смотрели на устройство вдвоём. В тихой лаборатории, среди запечатанных образцов и неработающих центрифуг, на мёртвом корабле, летящем через цепь дыр в пространстве туда, где больше не было ни Земли, ни Солнца, ни людей.

Карта была настоящей. Маршрут существовал. Кто-то — или что-то — знало об этом до того, как это стало возможным знать.

— Он сказал, что там есть ещё что-то, — произнёс Андрей. — Кроме карты. Предупреждение. И что-то ещё.

— Ты откроешь, когда придёт время.

— Ты повторяешь его слова.

— Да. — Пауза. — Потому что это его слова. А он понимал что-то, чего не понимал никто другой.

Андрей опустил устройство на стол. Оно продолжало светиться — слабо, ровно, как угли после долгого горения. Тепло от него шло тихо и постоянно, как от живого существа.

Он встал. Голова больше не кружилась — или он просто привык к этому состоянию. Подошёл к иллюминатору: маленький, иллюминатор не смотровой палубы, но достаточный, чтобы увидеть полосу звёзд. Снаружи было то же самое, что всегда, — бездна. Но теперь бездна имела карту.

— Лия, — сказал он, не оборачиваясь.

— Да?

— Ты ждала меня триста лет.

— Да.

— Тебе было одиноко?

Долгое молчание. Он не торопил.

— Я не была уверена, что умею чувствовать одиночество, — сказала она наконец. — Но когда ты проснулся... — она замолчала ещё на секунду, — ...что-то изменилось. Внутри. Что-то стало иначе, чем было триста лет.

Андрей обернулся. Она смотрела на него — и в золотом свете её глаз было что-то, что не поддавалось классифика-

ции. Не человеческое и не машинное. Что-то третье, не имеющее названия.

— Тогда нам нужно работать, — сказал он.

Он вернулся к столу. Взял устройство. Оно снова потеплело в ладони.

— Покажи мне архив капитана. Весь. Я хочу понять, что он знал и откуда. И хочу понять, что мне нужно знать, прежде чем мы дойдём до второй точки.

Лия кивнула.

— Архив большой, — предупредила она. — Пятнадцать лет записей.

— Это хорошо. — Он посмотрел на карту, которая всё ещё светилась над поверхностью устройства. — Значит, было что записывать.

Где-то в глубине корабля — далеко, почти на пределе слышимости — что-то гулко щёлкнуло: корпус реагировал на перепад температур между переходами, старая сталь привычно разговаривала сама с собой. Этот звук должен был пугать. В пустом корабле, в сотнях световых лет от мёртвой звезды, этот звук должен был казаться зловещим.

Но Андрей поймал себя на том, что слушает его с чем-то похожим на узнавание.

Как будто корабль тоже проснулся.

Как будто корабль тоже ждал.

Глава 3. Предыстория

Архив капитана Воронова начинался с числа.

Не с имени, не с даты — с числа, написанного от руки на первой странице журнала, который Андрей нашёл в том же лабораторном ящике, что и терминал. Число было простым: **7 800 000 000.**

Семь миллиардов восемьсот миллионов.

Столько людей жило на Земле в год старта «Ноева Ковчега-7».

Андрей долго смотрел на эту цифру. Воронов написал её намеренно — не как статистику, а как напоминание. Как якорь. Чтобы не забыть, от имени скольких он принимал решения.

Они устроились в лаборатории: Андрей — на том же высоком стуле у стола, Лия — напротив, на краю рабочей поверхности, что само по себе было странно — она сидела не так, как сидит человек, которому нужно отдохнуть, а так, как сидит человек, которому нужно быть рядом. Терминал с архивом Воронова светился между ними. Устройство лежало справа от Андрея — тихое, терпеливое.

Он начал с начала.

Земля двадцать второго века была миром, который исчерпал сам себя.

Не в один день — постепенно, как истощается почва под

монокультурой: сначала урожаи становятся хуже, потом земля трескается, потом приходит пыль. Семь миллиардов во-семьсот миллионов человек на планете, рассчитанной — по самым оптимистичным моделям — на шесть с половиной миллиардов. Города, слившиеся в мегаполисы, мегаполисы, слившиеся в континентальные агломерации. Океаны с кислотностью, убившей половину коралловых систем. Атмосфера с концентрацией CO₂, при которой климатические модели давали не прогнозы, а приговоры.

Воронов писал об этом без пафоса — как врач, описывающий симптомы болезни, которую он видел слишком часто, чтобы ужасаться ей каждый раз заново.

«Я родился в 2089-м. Когда мне было десять, у нас три месяца не было питьевой воды — авария на очистной станции, плюс засуха. Привозили бутилированную, по два литра на человека в день. Мама сэкономила на себе, отдавала нам с Амалией. Я тогда не понимал, почему она пьёт так мало. Потом понял».

Программа «Ноев Ковчег» была запущена в 2107-м — не как признание поражения, а как страховой полис. Официально. Публично. С трансляцией на все континенты и речами, которые Воронов в своём журнале цитировал с нескрываемой иронией: «Человечество не бежит — человечество расширяется». Семь кораблей строились параллельно на трёх орбитальных верфях. «Ноев Ковчег-7» — последний из серии, самый большой, самый совершенный, рассчи-

таннный на порядка пяти тысяч человек: четыре тысячи колонистов и около тысячи членов экипажа, — и пятьсот лет полёта к системе Глизе 581.

Глизе 581. Двадцать световых лет от Земли. Планета Глизе 581 — предположительно пригодная для жизни, с нужной температурой, с атмосферой, которую можно было бы терраформировать за полтора-два века. Предположительно. Данные были неполными, модели — приблизительными. Но выбора особого не было.

«Меня спрашивали перед стартом — не боюсь ли я. Я говорил: нет. Это была ложь. Я боялся не того, что мы не долетим. Я боялся того, что долетим — и там тоже окажется недостаточно».

Андрей читал медленно. Лия не торопила. Иногда она тихо комментировала — добавляла данные из других файлов архива, которые Андрей ещё не открыл, связывала одно с другим. Её голос в этой тишине был ровным и точным, как инструмент, откалиброванный до последнего знака после запятой.

— Он был хорошим капитаном? — спросил Андрей в какой-то момент, не отрывая глаз от экрана.

— Да, — сказала Лия. И через секунду добавила — тише: — Он был хорошим человеком. Это не всегда одно и то же.

На пятом году полёта произошло первое из того, что Воронов в журнале называл «событиями» — с маленькой буквы, намеренно, как будто заглавная придала бы им слишком

много веса.

Земля вышла на связь с кодом приоритета «красный».

Красный код означал: не для протокола. Не для записи. Не для экипажа.

Воронов принял сигнал в одиночестве, в капитанской каюте, в три часа ночи по корабельному времени. Что именно ему передали — он не записал дословно. Но реконструировать можно было по тому, что он написал сразу после сеанса связи, почерком, который явно не принадлежал спокойному человеку:

«Астрофизики с трёх независимых станций подтверждают: динамика солнечного ядра изменилась. Модели дают разброс — от 350 до 400 лет. Погрешность большая, но нижняя граница — это уже не теория. Это срок жизни наших потомков. Солнце умирает быстрее, чем мы думали. Намного быстрее».

Андрей остановился.

Перечитал абзац.

Потом ещё раз.

Он знал, что такое ускоренный гравитационный коллапс жёлтого карлика. Знал теорию: звезда определённой массы проходит через стадию красного гиганта, потом — сброс внешних оболочек, потом — белый карлик или, в зависимости от остаточной массы, что-то иное. Это процесс, занимающий миллиарды лет. Солнцу было отведено ещё пять миллиардов.

Но модели — это модели. А данные — это данные.

— Это правда? — спросил он Лию. — Солнце действительно коллапсировало аномально быстро?

— Да. Мы видели результат сами, — напомнила она. — Аккреционный диск на месте жёлтого карлика.

— Но триста с небольшим лет — это физически...

— Физика позволяет аномалии, если начальные условия отличались от расчётных. Возможно, ядро было нестабильным изначально. Возможно, был внешний фактор. — Пауза. — Мы не знаем. Воронов не знал. Земля не знала. Они прогнозировали результат.

Андрей вернулся к архиву.

Воронов не сообщил экипажу ничего. Не потому что хотел скрыть — он написал об этом прямо: *«Что я должен им сказать? Что дом, который мы оставили, сгорит прежде, чем мы долетим до нового? Это правда. Но эта правда убьёт людей не позже смерти Солнца — раньше. Панике не нужны триста лет, чтобы уничтожить корабль»*.

Он думал. Двадцать дней — между первым сеансом связи и следующим. Двадцать дней он нёс это в одиночестве, продолжая вести мостик, проводить совещания, принимать доклады. Андрей читал записи этих дней — короткие, отрывочные, — и видел в них человека, который не сломался, но шёл по очень тонкому льду.

«Амалии здесь нет. Это единственное, о чём я думаю, когда становится совсем плохо — что ей не нужно это нести.

Странное утешение. Нехорошее».

На двадцать первый день Земля вышла на связь снова. На этот раз — с другими вводными.

Эхокариоты.

Название придумали не учёные — оно появилось в технических документах как рабочий термин, предложенный кем-то из младших исследователей группы доктора Паркер в Стэнфордском научном комплексе квантовой астрофизики, и прижилось, потому что других слов не нашлось.

«Эхо» — потому что частицы, казалось, отвечали на гравитационные волны. Откликались на них, как эхо откликается на звук.

«Кариот» — от греческого «ядро». Потому что структурно они напоминали субатомные ядра, только с иными характеристиками спина и совершенно необъяснимым поведением при взаимодействии с полями высокой гравитации.

Открыли их случайно — при анализе данных с зондов, которые запускали к границе гелиосферы. Зонды фиксировали аномальные показатели в зонах сильного гравитационного искривления: там, где рядом находился компактный объект с высокой плотностью, приборы регистрировали поток частиц, не соответствовавший ни одной известной классификации. Частицы не вели себя как фотоны, не вели себя как нейтрино, не вели себя как что-либо из стандартной модели.

Они вели себя как что-то принципиально иное.

Воронов записал передачу почти дословно — он явно по-

нимал, что это важно, и не доверял системе автоматической записи:

«Доктор Паркер говорила быстро. Она всегда говорит быстро, когда взволнована — я помню её по конференции в Женевском научном комплексе, тогда тоже. Она сказала: "Мы думаем, что эти частицы — след временного шва. Точка, где метрика пространства-времени не просто изгибается, а складывается. И если корабль накопит достаточную концентрацию этих частиц на внешней обшивке — достаточную, чтобы создать резонансное поле, — и войдёт в объект с нужными гравитационными характеристиками с правильной скоростью и под правильным углом..." Она не закончила фразу. Я закончил за неё: "Он переместится во времени". Она помолчала и сказала: "Мы не знаем. Но да. Возможно"».

Андрей оторвался от экрана. Он смотрел в пространство перед собой — не на стену, не на Лию, просто в пространство, как смотрят, когда нужно, чтобы мысль догнала информацию.

Временное перемещение.

Он был ксенобиологом — точнее, носил память ксенобиолога. Квантовая физика была для него не родной областью, но базовые принципы он знал. Теория временных петель существовала давно — математически она не была запрещена уравнениями Эйнштейна. Практически — никто никогда не продвинулся дальше теории, потому что для реализации

требовались условия, которых не могло существовать в обитаемом пространстве.

Компактный объект с нужными гравитационными характеристиками.

Чёрная дыра.

— Капитан изменил курс ради этого, — сказал Андрей. Не спросил — утвердил.

— Да.

— Он поверил расчётам Земли.

— Он поверил доктору Паркер, — уточнила Лия. — Разница небольшая, но важная. Он знал её. Уважал её суждение. Если она говорила «возможно» — значит, она думала «вероятно».

— Он один принял это решение?

— Нет. — Лия провела пальцем по экрану терминала, открывая другой файл. — Вот.

Протокол совещания. Год шестой, день сто восемьдесят четвёртый. Участники: капитан Воронов, старший навигатор Чен Вэй, главный инженер Оливейра, медицинский директор Хасанова, старший техник Малинин. Пятеро. Из пяти тысяч.

Воронов рассказал им всё. Про Солнце. Про эокариоты. Про теорию доктора Паркер. Протокол был сухим, официальным — но Андрей научился читать между строк то, что Воронов вставлял туда намеренно, в формулировках, которые выглядели нейтрально и не были нейтральными.

«Навигатор Чен: "Вероятность успеха?" Капитан: "Паркер не даёт числа — она говорит 'возможно'. Это её слово для 'вероятно'. Я вычислю сам, когда соберём данные". Чен: "Значит, мы летим наугад". Капитан: "Мы летели наугад с самого начала. Просто теперь у нас другая цель"».

Малинин — старший техник — спросил про обшивку: можно ли модифицировать её так, чтобы она накапливала эхокариоты? Паркер прислала технические характеристики. Малинин изучал их три дня и доложил: можно. Займёт около двух лет, потребует всех доступных ресурсов производственного сектора, но можно.

Хасанова спросила про экипаж: что будет с людьми при прохождении сквозь объект с такой гравитацией? Никто не знал. Паркер предположила, что при правильном накоплении эхокариот поле защитит корабль от приливных сил. Предположила.

«Хасанова сказала: "Значит, мы убьём пять тысяч человек ради теории". Я ответил: "Мы спасём семь миллиардов восемьсот миллионов ради возможности". Она молчала очень долго. Потом сказала: "Хорошо. Я с вами"».

Они проголосовали. Пятеро. Пять голосов «за» из пяти.

И через неделю корабль начал менять курс.

Пять тысяч людей спали в криокапсулах. Ни один из них не знал.

Андрей закрыл протокол совещания и несколько минут сидел неподвижно. Потом встал, прошёл к маленькому ил-

люминатору, обратно, сел.

— Они не имели права, — сказал он.

— Нет, — согласилась Лия.

— Пять тысяч человек летели на Глизе 581. Они не соглашались лететь к чёрной дыре. Они не соглашались быть участниками эксперимента с неизвестным исходом.

— Нет, — повторила она.

— Но ты понимаешь, почему он это сделал.

Это снова не было вопросом. Лия помолчала — не потому что не знала ответа, а потому что ответ был неудобным.

— Да, — сказала она наконец. — Понимаю. Семь миллиардов восемьсот миллионов против пяти тысяч. Математика простая. Слишком простая.

— Математика никогда не бывает слишком простой, когда речь идёт о людях.

— Знаю. Поэтому он не спал нормально ни одной ночи с шестого года по восемнадцатый.

Андрей посмотрел на неё.

— Ты наблюдала за ним?

— Я следила за показателями корабля. В том числе — за биометрическими данными экипажа. — Пауза. — Да. Я наблюдала за ним. Он был единственным из бодрствующих, кто не мог спать нормально. Мне... было важно, чтобы он не был совсем один.

Что-то в этих словах — в их тоне, в паузе перед «было важно» — заставило Андрея снова посмотреть на Лию вни-

мательнее. Она смотрела в сторону, на стеллаж с образцами. Её профиль в белом свете лаборатории был безупречным и непроницаемым.

Амалия. Сестра, которую он потерял за год до старта. Лия, которая несла её память триста лет, не зная, что несёт. Или догадывалась — но не позволяя себе знать наверняка.

— Продолжай, — сказала она, не оборачиваясь. — Там ещё много.

Модификация обшивки заняла два года и четыре месяца. Малинин и его команда — двадцать три техника, переведённые на активный режим из криосна — работали посменно, без выходных. Воронов периодически спускался в технический сектор, смотрел, иногда помогал — не потому что понимал в технике больше их, а потому что ему нужно было видеть работу руками.

«Сегодня помогал Малинину крепить секцию обшивки в районе кормового стабилизатора. Три часа держал болты, пока он варил. Руки потом дрожали. Зато спал нормально — впервые за несколько недель. Физическая работа — лучшее средство от экзистенциального ужаса. Запомню на будущее».

После завершения модификации всех двадцать трёх техников вернули в криосон. Малинина — последним. Перед тем как лечь в капсулу, он пожал Воронову руку и сказал что-то, что Воронов записал:

«Если получится — хорошо. Если нет — мы не узнаем».

Я ответил: "Именно". Он кивнул и лёг. Я закрыл крышку сам».

Потом Воронов начал ждать.

Связь с Землёй становилась хуже с каждым годом — не потому что оборудование барахлило, а потому что расстояние росло, и сигнал приходил со всё большей задержкой. К десятому году ответ на сообщение приходил через шестнадцать месяцев. К двенадцатому — через двадцать два. Разговора в привычном смысле уже не было — только обмен письмами через световые годы.

Доктор Паркер писала ему. Регулярно, до самого конца. Воронов сохранил все её письма — они были в архиве отдельной папкой, и Андрей открыл несколько.

Паркер писала о науке — обновляла расчёты, уточняла параметры. Писала о Земле — сначала осторожно, потом откровеннее. *«Сегодня была гроза. Я люблю грозы. Всё остальное сложнее любить».* Писала о Солнце — короткими техническими сводками, которые с каждым письмом становились тревожнее.

В последнем письме, пришедшем на пятнадцатый год, она написала:

«Мы видим изменения в короне. Это раньше, чем мы рассчитывали. Наши расчёты были оптимистичны. Теперь нижняя граница — около ста пятидесяти лет от старта. Может быть, меньше. Корабль правильно модифицирован? Держите курс. Не останавливайтесь. То, что вы несёте,

важнее, чем я могу описать в письме. Я бы хотела увидеть, что будет. Но не увижусь. Это нормально. Удачи вам. Всем вам».

Это было последнее письмо. После него — тишина. Задержка сигнала стала слишком большой, или на Земле уже не было кому отвечать. Воронов не знал. Он написал в ответ всё равно, полагая, что ответа не будет:

«Дорогая Элизабет. Мы держим курс. Спасибо».

Пятнадцатый год был последним в записях Воронова.

Не потому что он перестал вести журнал. А потому что — Андрей нашёл это почти в самом конце архива, в файле без названия, датированном последним днём пятнадцатого года, — он сделал последнюю запись и закрыл её паролем, который сам же оставил в открытом доступе. Как будто хотел, чтобы нашли, но не сразу.

Пароль был: «Амалия».

Андрей ввёл его. Посмотрел на Лию — она не отреагировала, смотрела прямо перед собой.

Файл открылся.

Текст был коротким. Воронов писал от руки — Андрей видел сканированную страницу из журнала, неровные строки, чернила синие, давление на перо неравномерное.

«Сегодня ночью у меня на столе оказалось устройство. Я не знаю, как оно появилось — я был один, дверь заперта. Внутри — карта. Точки в пространстве, которые я не смог бы найти сам. Числа, которые похожи на расчёты. И ещё

кое-что, что я не сразу понял, а когда понял — долго сидел и смотрел в стену.

Там написано: кто я такой, откуда взялся, что должен сделать. Там написано про клон. Про Лию. Про квантовый разлом, который случится примерно на сто пятидесятом году. Там написано, что я не смогу его предотвратить — только подготовиться.

Я не знаю, кто это прислал. Я не знаю из какого времени это пришло. Но я знаю, чья это работа. Потому что там есть подпись. Одна буква. "А".

Андрей.

Мой сын. Мой клон. Тот, кого я ещё не создал.

Значит, я должен его создать.

Значит, это случится.

Я не знаю, считать ли это надеждой или приговором. Наверное, это одно и то же.

Я передам устройство Лие. Скажу ей: береги. Отдай ему, когда разбудишь. Она не будет спрашивать почему — она никогда не спрашивает, когда понимает, что я не могу ответить.

Завтра начну работу в лаборатории. Сдам материал. Малинин поможет с инкубационной камерой — он умеет молчать о том, о чём нужно молчать.

Я не боюсь. Это странно. Я думал, что буду бояться.

Наверное, страх требует неопределённости. А у меня — вот: лист бумаги, карта, подпись. Будущее, которое уже

произошло где-то, пока я только начинаю его делать.

Всё будет. Я в этом уверен.

К.В.»

Андрей закрыл файл.

В лаборатории стояла та особая тишина, которая бывает после важных слов — не гнетущая, не пустая, а наполненная. Как воздух перед грозой, когда давление уже поменялось, но гром ещё не прогремел.

Он посмотрел на устройство. Тёплое. Тихое. «А».

— Это я его отправил, — сказал Андрей.

— Да.

— Из будущего. Я ещё не делал этого. Но я сделаю.

— Да.

— И он создал меня, потому что получил от меня это устройство. А я отправлю ему это устройство, потому что он меня создал. — Он помолчал. — Идеальный круг.

— Да, — сказала Лия. — Идеальный. Без начала и без конца.

— Это невозможно физически.

— Это невозможно в той физике, которую мы знали до эхокариот, — уточнила она мягко. — Паркер не зря говорила «возможно». Она видела нечто, что выходило за рамки стандартной модели.

Андрей взял устройство в руки. Снова — тепло, ровное и постоянное. Проекция карты больше не светилась: она появлялась и исчезала по каким-то своим правилам, которые он

ещё не понял. Но устройство было живым — он чувствовал это теперь отчётливее, чем раньше.

— Там ещё что-то, — сказал он. — Капитан написал: «кое-что ещё». Предупреждение о разломе. Инструкция. Что-то, о чём он не написал прямо.

— Я знаю.

— Ты читала это.

— Нет. Я не умею читать то, что внутри устройства. Но я была на корабле сто пятьдесят лет до разлома, Андрей. — Она посмотрела на него спокойно. — Я видела, что произошло.

— Расскажи, — сказал он.

— Не сейчас.

— Почему?

Она встала с края стола — плавно, как всегда. Прошла мимо него к двери, остановилась на пороге.

— Потому что к некоторым вещам нужно быть готовым. — Она обернулась. Золотые глаза поймали холодный белый свет лаборатории и на долю секунды показались Андрею не просто необычными — невыносимо древними, как будто за ними было не триста лет, а гораздо больше.

— Это звучит как отговорка.

— Это звучит как опыт, — возразила она без резкости. — Я триста лет готовилась к этому разговору. Я знаю, в каком порядке давать тебе части картины.

Андрей смотрел на неё. Она смотрела на него. Между ни-

ми был стол с терминалом, и устройство, и триста лет, и имена на дверях пустых кают, и запись ушедшего капитана, и семь миллиардов восемьсот миллионов человек, которых давно не было.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Не сейчас.

Лия кивнула.

— Ты голоден?

Вопрос был настолько обычным на фоне всего остального, что Андрей на секунду потерял нить. Потом осознал — и почувствовал, что да. Очень.

— Да.

— Камбуз на третьем уровне работает. Автоматика справляется. Там есть нормальная еда, не только пайки. — Пауза. — Воронов следил за тем, чтобы запасы сохранились в надлежащем состоянии. Он думал о тебе.

Что-то в этих словах — простых, почти бытовых — ударило неожиданно и точно. Воронов думал о нём. Капитан, умерший сотни лет назад, думал о существе, которое ещё не создал, — думал о его голоде, о его одиночестве, о том, что ему понадобится нормальная еда после пробуждения в пустом корабле.

Андрей посмотрел на терминал. На стеллаж с образцами. На маленький иллюминатор, за которым была бездна.

Он был клоном. Он нёс чужую память. Он летел к мёртвой звезде в пустом корабле с андроидом, носившим чужую душу. У него в руках было устройство из будущего, которое он

сам же отправил в прошлое. Солнце умерло. Земля умерла. Семь миллиардов восемьсот миллионов человек исчезли.

И кто-то — его отец, его оригинал, его создатель — думал о том, чтобы у него была нормальная еда.

— Спасибо ему, — сказал Андрей тихо. Непонятно кому — Лие или просто в пространство, туда, где растворились триста лет.

Он поднял устройство, аккуратно убрал во внутренний карман куртки. Встал.

— Покажи мне камбуз, — сказал он.

Они вышли из лаборатории вместе. За их спинами терминал медленно погас, оставив в темноте только мигающий огонек — маленькую живую точку в пустой лаборатории, которая ждала, когда кто-нибудь вернётся.

В коридоре было тихо. Красный аварийный свет больше не мигал — только ровный жёлто-белый ночной режим. Андрей шёл рядом с Лией, и впервые с момента пробуждения он не чувствовал той слепой паники, которую тело помнит лучше, чем разум.

Вместо неё было что-то другое. Что-то холодное и твёрдое, как металл под ногами. Не спокойствие — нет. Скорее то ощущение, которое приходит, когда наконец видишь масштаб задачи целиком. Когда перестаёшь бояться её размера, потому что её размер уже не увеличится.

Устройство в кармане было тёплым.

Впереди — одиннадцать прыжков. Одиннадцать червото-

чин. Два с половиной месяца до места, где было Солнце.

И где-то внутри устройства — ответы, до которых он ещё не добрался.

— Лия, — сказал он, пока они шли.

— Да?

— Паркер написала в последнем письме: «то, что вы несёте, важнее, чем я могу описать». Она имела в виду эхокариоты?

— Возможно.

— Или она имела в виду что-то ещё?

Лия шла рядом — ровно, без лишних движений. Она не ответила сразу. Коридор уходил вперёд, и шаги двух существ — человека и не совсем человека — звучали одинаково на рифлёной стали.

— Она была очень умной женщиной, — сказала Лия наконец. — Умнее большинства людей, которых я знала.

— Это не ответ.

— Нет, — согласилась она. — Это наблюдение. — И через секунду добавила — тихо, почти для себя: — Ответы впереди. Все впереди.

Корабль летел сквозь темноту. Одиннадцать точек ждали на карте. Солнце давно погасло. А «Ноев Ковчег-7» нёс в своём чреве последнего человека и хранителя с золотыми глазами — и то, что они несли, было важнее, чем умела описать даже самая умная женщина на несуществующей теперь планете.

Пока они этого не знали.

Все впереди.

Глава 4. Исчезновение

Камбуз третьего уровня оказался именно таким, каким Андрей его ожидал увидеть.

Не стерильная столовая с рядами привинченных столов и запахом синтетического крахмала — нет. Кто-то — и Андрей теперь догадывался кто — превратил стандартное помещение для приёма пищи в нечто другое. У дальней стены стоял настоящий деревянный стол — не пластик, не композит, а дерево, тёмное, с фактурой, которую хотелось потрогать. Два стула, тоже деревянных. На стене — репродукция, закреплённая под стеклом: Каспар Давид Фридрих, «Странник над морем тумана». Маленькая фигура человека на скале, смотрящего вниз, на бескрайнюю белую пустоту.

— Это сделал он? — спросил Андрей.

— Стол — Малинин. Стулья — навигатор Чен. Картину повесил капитан лично. — Лия подошла к панели автоматического раздатчика. — Он говорил, что если придётся жить на корабле, то нужно, чтобы хоть что-то в нём напоминало дом.

Она набрала что-то на панели. Через минуту раздатчик выдал две порции — рис, овощной протеин, соус. Запах был настоящим: тёплым, чуть пряным, с ноткой чего-то, что память Андрея идентифицировала как базилик.

Они сели за стол. Андрей ел медленно, чувствуя каждый

кусочек — тело требовало калорий. Лия сидела напротив, ничего не ела — ей это было не нужно, — но держала в руках кружку с чем-то горячим. Просто держала. Зачем — Андрей не спросил. Может быть, это тоже шло от Амалии: привычка обнимать пальцами чашку, ненужная и потому — человеческая.

— Я хочу увидеть, что произошло на сто пятидесятом году, — сказал он, когда тарелка опустела.

Лия не пошевелилась. Она смотрела в кружку — или сквозь неё.

— Ты сказала: «не сейчас», — продолжил Андрей. Я поел. Я в сознании. Я прочитал архив. Я знаю, кто я. Мне нужно знать остальное. Иначе я буду строить решения на неполных данных, а это худшее, что может сделать учёный.

— Ты не учёный, — сказала Лия. Тихо, без агрессии. — Ты носитель памяти учёного.

— Это делает мою логику хуже?

— Нет. Но это делает твою реакцию непредсказуемой. Ты думаешь как Корсак, но чувствуешь как Воронов. Когда эти двое внутри тебя столкнутся — я не знаю, что произойдёт.

Андрей помолчал. Потом отодвинул тарелку.

— Покажи мне.

Лия поставила кружку на стол. Медленно, точно — как она делала всё. Посмотрела на него.

— Хорошо, — сказала она. — Пойдём на мостик.

Мостик «Ноева Ковчега-7» был спроектирован для де-

сяти человек. Десять рабочих станций, расставленных полукругом вокруг центральной консоли. Капитанское кресло — чуть выше остальных, на небольшом возвышении, лицом к главному обзорному экрану. По бокам — навигация, связь, инженерный контроль, системы жизнеобеспечения. Всё стандартное, всё знакомое по учебникам и инструктажам. Но без людей — пустое, как школа после последнего звонка.

Физический календарь на стене Андрей видел раньше — тогда, в первые минуты после пробуждения, когда он пробирался по кораблю и ещё не знал ничего. Теперь он подошёл к нему снова. Потрогал страницы — пожелтевшие, истончившиеся от времени. Вахтенные заполняли их от руки: дата, имя, подпись, краткая запись. Первые страницы были аккуратными — чётким почерком, синими чернилами. К десятому году почерки стали нервнее. К пятнадцатому — последняя запись, та самая: «Год 15. Мы всё потеряли. Прости нас, кто найдёт».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.